

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 На randеву с тенью : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Следствие ведет профессионал. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-699-93587-1

Можно застрелить троих людей и сбросить их тела в подземный колодец, можно ударить человека ножом, а другого столкнуть с лестницы и свалить эти преступления на сумасшедшего маньяка. Можно придумать еще что-нибудь — ведь существует столько способов пустить сыщиков по ложному следу, например, подбросить им снимки с детской порнографией... Убийца, орудующий в подмосковном поселке, уверен в своей неуязвимости. Сотрудница пресс-центра ГУВД Катя Петровская и начальник «убойного отдела» Никита Колосов понимают, что вера в собственную неуязвимость однажды подведет убийцу. Надо только сделать так, чтобы это случилось как можно скорее...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-93587-1

Пролог

ТРИ ЧАСА ПОПОЛУНОЧИ

Больше всего на свете Петухов не любил, когда его дежурства попадали на пятницу. А когда вызов поступал среди ночи, он вообще проклинал тот день и час, когда ему вздумалось поступить на шоферские курсы и наняться на работу водителем «Скорой», в районную больницу Спас-Испольска. Впрочем, это было давно, еще в молодости.

Это дежурство началось как обычно. Был четверг 13 июня. И день, несмотря на паршивую календарную цифру, выдался подозрительно спокойным — всего пять вызовов, в основном приступы стенокардии у граждан, плохо переносящих летнюю жару.

После полуночи начальник смены даже разрешил Петухову часика полтора покемарить. Укладываясь спать в кабине машины, Петухов привычно глянул на часы: стрелки бодренько близились к двум часам ночи. Несчастливое календарное число «13» миновало. Однако он не учел одного: за четвергом неизбежно наступала пятница. А этот день недели Петухов ненавидел, считая самым коварным и непредсказуемым, от которого только и жди разных ЧП.

Именно в пятницу три года назад в больницу и поступил тот роковой вызов на железнодорожную станцию соседнего района, где загорелась цистерна с бензином. А потом шархнул взрыв, от которого в двух микрорайонах полопались стекла в домах, а

приехавшие на место пожарные и сотрудники «Скорых» из окрестных больниц жестоко пострадали.

Петухов в ту пятницу как раз дежурил и выезжал на станцию. А после взрыва четыре месяца приходил в себя на больничной койке. Выкарабкался. Снова сел за баранку. Но по пятницам с тех пор дежурить зарекся.

Он не помнил, что ему снилось: его разбудили. Дежурный врач, медсестра и санитар Колька Свистунов, от которого за версту вечно несло чесноком (против заразы), уже садились в машину. Петухов зевнул, протер глаза и спросил:

— Куда на этот раз?

— В Александровку. — Врач тоже выглядел хмурым и усталым. — С женщиной вроде плохо.

Петухов завел мотор и снова по привычке глянул на часы: мама моя родная! Четверть четвертого. По идее, уже должна брезжить заря. А тут тучи натянуло.

Александровка была старой окраиной Спас-Ис-польска. Ветхий частный сектор: домишки, вросшие в землю, скворечники-уборные на огородах, допотопные колонки с ржавыми кранами, заросли бузины, тощие козы, объедающие лопухи в тени сломанных заборов. Захолустье. Поговаривали, что Александровке недолго уже жить. Весь частный сектор планировался под слом. Но пока это был город не город. И не деревня. И даже не подмосковная дача. Одним словом — Александровка.

Однако у продуктового магазина имелась старая как мир телефонная будка. И телефон, на удивление всем, работал как часы вот уже тридцать пять лет. Обитатели Александровки не страдали уличным вандализмом.

Темно было хоть глаз коли. Свет фар «Скорой» выхватывал из темноты несколько метров шоссе да придорожные кусты. В поселке все спали. Петухов даже сбросил газ, прикидывая в уме: кричали ли в Александровке первые петухи?

У телефонной будки возле магазина горел одинокий тусклый фонарь. И там «Скорую» уже встречали: старик в майке, армейских брюках и наброшенном ватнике и его жена — явно спешно поднятая с постели, в калошах, в каких в деревнях полют огороды, и байковом халате.

— У вас больная-то? Куда ехать, показывайте. — Врач высунулся из кабины.

— Не у нас. Соседи мы. Это у Мальцевых. Райка Мальцева через улицу от нас, напротив. Дед вон мой с постели на двор вышел, а потом меня разбудил. — Старуха в халате выглядела встревоженной. Тараторила как сорока. Сна у нее в этот глухой предрассветный час не было ни в одном глазу.

— В проулок заворачивайте, третий дом направо, — вклинился старик. — Только я бабе своей говорил: зря она вас всколыхнула. Ни к чему вы там. Райке сам черт теперь не поможет, не то что вы со своей валерьянкой.

Оба старика говорили быстро, тревожно, развязно. И совершенно не сонными голосами. Водителю Петухову показалось, что старики чем-то сильно напуганы и до смерти рады приезду «Скорой». И это ему очень не понравилось.

У темного дома, который прятался в густой зелени запущенного палисадника, «Скорая» остановилась. Врач, медсестра и Свистунов заспешили к калитке. Она оказалась незаперта. Петухов вышел из машины покурить.

— Дай-ка и мне, — дед потянулся за сигаретой. — Мне что-то...

— Что? — Петухов протянул ему пачку.

— Да так, зябко что-то, сердце колотится. Зря баба моя вас всполошила, — повторил старик. — Мертвая она уже. Я как в окошко-то глянул — с нами крестная сила. Мертвая.

— Больная? Одинокая, что ли? Пожилая?

— Какой пожилая, в самом соку. Райка Мальце-

ва — шалава. Тут ее у нас каждый как облупленную знает, но... — Старик внезапно поперхнулся дыханием. — Мертвая. О мертвых плохо нельзя. Аукнуться может.

И тут Петухов услышал, как придушенно, испуганно вскрикнула медсестра. А его громко, но тоже испуганно окликнул Свистунов. Они уже были в доме.

И в это время в ночи глухо зарокотал гром — тучи погасили утреннюю зарю не зря. Вслед за громом Петухов, уже открывавший калитку, услышал еще какой-то звук — звон разбитого стекла. Как впоследствии оказалось, это ударились о стену и разбилась створка окна. Затем глухой стук — словно на землю упало что-то тяжелое. Треск поломанных кустов...

Сверкнула молния. Петухову почудилось: при вспышке, на мгновение озарившей сад, метнулась тень, перемахнула через забор в дальнем конце участка. Но тогда еще он не был уверен, что действительно видел кого-то.

Он быстро прошел мимо окна, направляясь прямо к крыльцу, и вдруг остановился как вкопанный. Повернулся к окну. То, что он увидел краем глаза...

Окно было распахнуто настежь. Одна из створок разбита. В сад сочился тусклый желтый свет. В комнате горела единственная лампочка — старый подслеповатый торшер, какие покупали еще в начале семидесятых. Да, там был только один источник света и полно народа.

Петухову бросилось в глаза побелевшее лицо медсестры. Она, врач и санитар застыли на пороге комнаты.

А то, что Петухов увидел в следующее мгновение...

Женщина лежала навзничь на обеденном столе, выдвинутом на самую середину комнаты. То, что она была уже мертва, Петухов понял сразу. Совершенно обнаженное, полное, изжелта-синюшное тело было

все в багровых кровоподтеках и ссадинах. Стол был короток для нее — ноги и правая рука безжизненно свесились вниз. На запястье алела рана. Врач позже сказал потрясенному Петухову, что это укус.

Кроме стола, в комнате, оклеенной выцветшими рваными обоями, были лишь шкаф с зеркалом, продавленная тахта, два стула и табурет. На тахте и на стульях сидели дети. Самый маленький — лет трех — сидел на полу, прислонившись к ножке стола.

Впоследствии Петухов не раз вспоминал, что же так сильно, почти смертельно напугало его там, в этой комнате? Отчего во рту враз пересохло и вспотели ладони? Что его напугало? Покойница?

Свет падал на ее лицо. Всклокоченные, сожженные перекисью волосы, окровавленный рот. Но покойников Петухов на своем веку видел-перевидел.

Эти дети... Эти странные дети. На первый взгляд они показались ему действительно странными. От волнения он никак не мог сосчитать, сколько же их в этой убогой комнате? Пятеро? Всего пятеро?!

Двое — мальчики-близнецы, подростки, сидели на тахте, прижавшись друг к другу. Лица ничего не выражающие, серые, тихие. Глаза... Петухов вздрогнул: в детских глазах мерцал, отражался свет лампы — словно в маленьких лужицах на асфальте. Такие глаза он прежде встречал только у сильно пьяных, наколовшихся или безумных после приступа.

На стуле, широко расставив худые ноги, сидела девочка лет двенадцати. В старом, застиранном халатике. Она обняла себя руками за плечи. И молча монотонно раскачивалась взад-вперед. Что-то тихо напевала про себя. Точнее, подвывала, как раненый зверек.

Вторая девочка, лет шести, сидела скорчившись на полу, в углу за шкафом. Именно увидев ее, и вскрикнула от неожиданности и испуга медсестра. Лицо девочки было вымазано кровью. Окровавленными были и руки. Она то и дело поправляла свои светлые волосы, размазывая по щекам еще не засо-

хшую кровь. К ней первой бросился врач, думая, что ребенок ранен. Но девочка дико завизжала и заби-лась глубже в угол. А когда врач опустился на корточ-ки, пытаясь достать ее, внезапно прынула вперед, пытаясь укусить его, метя прямо в лицо.

Это была не ее кровь. Как впоследствии оказа-лось, на ребенке не было ни единой царапины. Ее братишка сидел под столом. Взгляд его не был таким бессмысленным и отрешенным, как у остальных детей. В его глазах водителю Петухову почудился жи-вотный испуг.

— Боже, вы видели? — прошептала медсестра. — Тут же был еще один! Петухов, вы его видели?!

Петухов дотронулся до подоконника — свежая кровь.

— Он выпрыгнул в окно, едва мы вошли. — По голосу врача Петухов понял, что и тот сильно напу-ган. — Слушай, давай к телефону. Вызывай сюда ми-лицию. Скажи — пусть немедленно едут, скажи... Чертовщина какая-то.

Кто-то из детей на тахте внезапно пошевелился. Начал громко икать. Потом хихикать. Визгливо за-смеялся, тыча пальцем в распростертое на столе тело. Это был смех истерики, безумия.

Петухов развернулся, сбежал по ступенькам и через кусты палисадника ринулся назад к машине, к телефону. С неба уже падали тяжелые крупные капли дождя. Это была пятница. И эту пятницу, как и ту, другую, со взрывом, Петухов запомнил на всю жизнь.

Глава 1

ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

3 июня. Год спустя.

Белое здание среди соснового бора за рекой на-поминало корабль. Мраморные террасы, тонирован-

ные стекла просторных лоджий, красная черепица крыши. Из окон вид открывался на реку и на парк, где среди сосен и лиственниц были проложены мощенные плиткой дорожки к двум открытым бассейнам, теннисным кортам, конюшням, манежу, барам и похожему на гигантский аквариум зданию для игры в боулинг.

С берега реки все это было хорошо видно — весь комплекс зданий располагался на склоне холма, живописно спускавшегося к небольшой пристани, где у причала стояли два новеньких катера, скутеры и несколько разноцветных моторных лодок.

Водитель специально сбавил скорость. Катя, не отрываясь, смотрела в окно: да, между этим берегом реки, где пролегалo шоссе на Спас-Испольск, и тем, на котором выстроили белое, похожее на пароход здание, была огромная разница.

В Спас-Испольск Катя — Екатерина Петровская, теперь, в замужестве, Екатерина Кравченко, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, — ехала впервые. Район считался ближним к столице, однако, несмотря на это, очень спокойным. Как отмечалось в аналитических отчетах, «криминогенная ситуация в городе из года в год стабильно держалась на уровне, близком к стабильности». Катя подобную профессиональную тарабарщину терпеть не могла. Сказали бы проще — это не пять-семь убийств, ограблений и разбойных нападений за неделю, а одно-два в месяц.

О причинах чудесного затишья в столь близком от Москвы месте выдвигались разные предположения. Самая ходовая версия: Спас-Испольск просто объявлен нейтральной территорией. Место считалось одним из лучших для отдыха в Подмосковье. И за последние пять лет здесь понастроили коттеджей, вилл, центров отдыха и развлечений, загородных ресторанов, вертолетных площадок, расчищали лес, превращая его в ухоженный парк.

Поговаривали, что перед началом такого бурного строительства кто-то с кем-то договорился, кто-то у кого-то попросил благословения и крыши и, получив желаемое, объявил место будущего отдыха по-европейски бескровным заповедником. После этого уровень уличной преступности в районе вдруг резко пошел на спад, к великому ликованию местных стражей порядка. Затем медленно, но стабильно стал снижаться и уровень тяжких и менее тяжких преступлений. Картину портила лишь «бытовуха». Но, видимо, с этой криминальной заразой не могли справиться даже те, кто, подобно атлантам, поддерживал над заповедником пуленепробиваемую крышу-колпак.

И надо же было так случиться, что именно здесь, в Спас-Испольске, месяц назад и произошло...

Катя посмотрела в окно: белый дом-корабль уже скрылся из вида. Шоссе свернуло, и теперь вдоль дороги, как гнилые зубы, торчали старые, ветхие дома Александровки — пригорода Спас-Испольска. Они уже почти приехали.

Случай был настолько странным, что Катя даже отложила свой отпуск. Она вздохнула: их долгожданный совместный отпуск с мужем Вадимом Кравченко. В результате все отодвинулось на июль, а то и на август. Кравченко же вместе с закадычным своим приятелем Сергеем Мещерским улетел в Анталию. Нет, не загорать на пляже, как они первоначально планировали с Катей, а совершать рафтинг — сплав по горным рекам на резиновых лодках, в касках и спасательных жилетах.

Катя поехала: брр, рафтинг. Новая забава мужа и его закадычного дружка. Отдых для чокнутых. Ее бы, конечно, даже если бы она бросила ЭТОТ СЛУЧАЙ и уехала вместе с ними, никто не заставил скакать в резиновой лодке с камня на камень. Впрочем, Вадька обещал ей железно: вторую половину отпуска они проведут вместе. Останутся деньжата — в

Анталье. Оскудеют — махнут в Крым пить дешевый виноградный сок. На теплое море. Вдвоем. Как молодожены.

— У отдела милиции выйдете? Или до прокуратуры довезти? — спросил Катю водитель. Это был новый водитель. А машина — старая «Нива». Такую пригнали с автобазы. В Спас-Исполск Катя приехала одна, без телеоператора. Телевизионщики сказали: пока дело не сдвинулось с мертвой точки, им снимать нечего.

Катя попросила довезти ее до отдела милиции. Лучше узнавать новости в родных стенах, чем в прокуратуре. И что нового могли сказать прокурорские? Ведь ничего еще не было обнаружено — ни трупов, ни каких-либо следов. Катя прикинула, когда она узнала о происшествии. После майских праздников, где-то числа пятнадцатого мая. А ЧП случилось...

Сведения, полученные Катей по этому делу, были скудными и жутковатыми одновременно. В ночь на первое мая компания молодых людей — две девушки и парень — вроде бы отправилась на пикник на берег реки. И больше их никто не видел. Машину, на которой они приехали, «Жигули» десятой модели, через несколько дней действительно нашли на берегу. А люди словно в воду канули.

Но это были лишь первоначальные сведения. Следующая порция информации, добытая Катей с барабанным боем в уголовном розыске, несколько отличалась от предыдущей. Да, правда, всех троих без вести пропавших последний раз видели вечером тридцатого апреля. Действительно, они собирались на пикник. Вот только не на реку, а в СЪЯНЫ. Почему именно ночью? Да, говорят, ночь на первое мая — это знаменитая Вальпургиева ведьмина ночь. И молодежь отмечает ее на всю катушку, как и новомодный Хэллоуин и День святого Валентина.

А Съяны... Кате объяснили вкратце, что такое Съяны: старинные, давно заброшенные каменолом-

ни на берегу реки. С тринадцатого века там брали камень на строительство Москвы, но уже в семнадцатом веке все выработки прекратились. Съяны — это целый лабиринт вырытых под землей ходов, которые тянутся на много километров.

Катя, слушая все это, справедливо засомневалась: да полно, действительно ли эти ребята решили провести Вальпургиеву ночь в таком неудобном месте?

В розыске ее сомнения постарались рассеять: дело не наше. И даже не прокурорское. Делом начал заниматься... РУБОП. Версию несчастного случая сначала полностью вытеснила версия похищения с целью получения выкупа. Отец одной из пропавших девушек якобы очень состоятельный человек. Ребят волей случая хватились только третьего мая. Отец этой девушки сразу же обратился в милицию, точнее, в столичный РУБОП. В несчастный случай он не верил с самого начала. Считал, что дочь похищена, что похитители вот-вот выйдут на связь, требуя деньги. В РУБОПе тоже ждали вестей от возможных вымогателей. Но к отцу пропавшей девушки никто не обращался. Тут снова всплыла версия о возможном несчастном случае. Потом на берегу реки обнаружили их машину...

Машина принадлежала пропавшему вместе с девушками Андрею Славину. Следов борьбы или насилия в салоне не зафиксировали. Милиция несколько раз осматривала вход в заброшенные каменоломни. Однако никаких следов пропавших так и не удалось обнаружить. Ни тел, ни следов, ни улики. Ничего.

К третьему июня новостей не прибавилось. Версия похищения была окончательно отброшена. Считалось, что все это трагический несчастный случай. Так думала и Катя. По крайней мере, тогда, утром 3 июня, подъезжая к зданию Спас-Ипольского ОВД, она еще думала именно так.

В отделе по неписанным служебным правилам надо было сначала представиться местному началь-

ству. Так, мол, и так, явился из главка криминальный обозреватель пресс-центра узнать, как тут у вас обстоят дела с охраной общественного порядка. (Проявлять повышенный интерес к исчезновению людей вот так сразу в лоб не стоило. Местное начальство, у которого до сих пор не было по этому печальному факту ни одного положительного результата, могло закапризничать и замкнуться, наотрез отказавшись давать информацию.)

Катю принял строгий и юный на вид начальник службы криминальной милиции Лизунов. Настолько юный, что она даже подумала: в районе острая нехватка руководящих кадров. Все как один на борьбе с бандитизмом, участвуют в новой чеченской кампании. А дома остались служить одни зеленые курсанты. Однако, несмотря на мальчишеский вид, Лизунов говорил хрипловатым пропитым баском «под Высоцкого», а по погонам оказался уже капитаном. В Спас-Исполском ОВД он пока еще был не настоящим начальником, а только и. о., замещаая на время отпуска своего шефа.

Разговор сначала затейливо петлял вокруг последней главковской коллегии и задачи «повышения общего уровня раскрываемости». Лизунов хвалился результатами операции «Мак», пообещав предоставить Кате оперативную видеосъемку задержания торговцев героином из Таджикистана. Момент был самый подходящий. На общей позитивной волне пора было прощупать почву и насчет случая месячной давности и поисков без вести пропавших. Но тут их прервали на самом интересном месте.

— Аркадий Василич, только что из суда звонили. Задержанных придется освободить, — убито-разочарованным тоном доложил кто-то Лизунову по селекторной связи.

— Всех четверых? — столь же тускло поинтересовался тот.

— Так точно. Адвокат Луконенко сейчас подь-

едет, постановление суда в ИВС привезет. Между прочим, там в суде представитель Баюна появился. Видимо, Баюн сильно забеспокоился, как бы кто чего лишнего не сболтнул. Ну, и нажал, наверное.

— А кто дело рассматривал?

— Судья Прохорова.

— Исключается нажим, — Лизунов тяжело вздохнул. — Она ж старуха, одной ногой в могиле, другой на пенсии. Плевать ей на нажимы. Да и норов у нее самой крутой. И потом... Да что мы на судью все валим? Я ж говорил, пушку надо было тогда искать. Нашли бы — дело в шляпе было бы и на Луконенко, и на прочую гоп-компанию. Ну ладно, понял я ситуацию. Слушай, как явится адвокат, пусть мне доложат. Я с ним, с этим юридическим вундеркиндом, сам переговорю.

Катя мало что поняла из этих скучных переговоров. Правда, ей стало любопытно: а кто такой Баюн? Жулик, преступник, рэкетир, растлитель малолетних, мафиози? А прозвище как у кота из сказки...

— Да драка тут была в баре, — хмуро буркнул Лизунов, поймав ее вопросительный взгляд. — Стреляли. Одному ногу продырявили, легко, в мякоть навывлет. Вроде задержали всех, а пушку так и не нашли. То ли выбросить успели куда, то ли обслуга бара подсуетилась. Ну и друг на друга, естественно, никаких показаний. Никто ничего не видел, не слышал, не бил, не стрелял. А у самих рожи все расквашены.

— Доказательств не хватило? — участливо полюбопытствовала Катя.

Лизунов горько усмехнулся:

— В суд сразу все жалобы накатали на необоснованное задержание. Тут и адвокаты как мухи и...

— Бывает. — Катя была сама серьезность. — А мне говорили — у вас спокойный район. Ничего такого громкого со стрельбой.

— А это не наши балуют. Это чужие. Москвичи.

Лизунов произнес это так, что Катя поняла: хоть

от Спас-Испольска рукой подать до столицы Белокаменной, москвичей, как это водится в провинции, здесь тоже не жалуют.

— Значит, вы к нам по результатам коллегии приехали? Или вас, Екатерина Сергеевна, что-то еще в нашей работе интересует? — подозрительно спросил Лизунов.

Катя снова не успела заикнуться о пропавших без вести, как позвонили по селекторной еще раз, сообщив, что адвокат Луконенко ждет.

Лизунов заторопился:

— Ну, отчет по итогам «Мака» в штабе пока... Я сейчас распоряжусь, чтобы вам предоставили все материалы... Если возникнут какие вопросы, обращайтесь или ко мне, или прямо в УНОН.

И Кате ничего не осталось, как вежливо и бодро откланяться. Однако в УНОН к борцам с наркобизнесом она не пошла. Направилась прямо в следственное отделение. Из-за двери кабинета под номером семнадцать доносился дробный перестук пишущей машинки. Катя распахнула дверь без стука. Свои.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте.

— Катюшка? Класс! Когда приехала? Только что? Класс! А вы, Пререкаев, помолчите, вашим мнением тут никто не интересуется. Обдумайте лучше мой последний вопрос.

Пишущая машинка молчала, зато строчил станковый пулемет. Тысяча слов в минуту. Миллион. Катя смотрела на воздушное миниатюрное создание, пушинкой сорвавшееся с жесткого канцелярского стула ей навстречу. С Варей, а если официально — с Варварой Михайловной Красновой, они не виделись более года. Но та нисколько не изменилась. Точнее...

С некоторых пор Катя заметила: натуральные блондинки в этом сезоне повально красятся в жгучих брюнеток. Варя-Варвара была рождена светло-русой. А сейчас перед Катей радовался жизни румяный

«гарсон» — кудрявая смоляная челочка подпрыгивала на загорелом лбу, стильно прилизанные височки топорщились как два серпика, чем-то напоминая крылья стрижа.

Как и год назад, Варвара обожала сочетание черного и белого цветов — черное платье, белый летний пиджак. Как и год назад, для маникюра она выбирала убойный коричнево-бордовый итальянский лак. Словом...

Словом, она была и прежней, и совершенно иной. Неизменным оставался лишь этот тесный кабинетик с зарешеченным окном, эта раздолбанная машинка и этот сейф в углу, набитый уголовными делами.

Варвара Краснова была следователем Спас-Испольского ОВД. А с Катей они были подруги. Врут, что у женщин-следователей не бывает личной жизни. Варя Краснова развелась с мужем; у нее была дочка шести с половиной лет и белый, глухой как пробка кот Мюрат. Все свободное время она посвящала спорту: когда от зарплаты что-то оставалось, покупала разовый абонемент в городской фитнес-клуб на занятия шейпингом и аэробикой.

— Катька, да ты хоть бы позвонила, намекнула, я бы вчера шарлотку испекла! Или эти с творогом — ну, пышки, твои любимые! Ты чем добиралась? Автобусом? Ах, на машине... Везет вам, прессе. Пререкаев! А ваши реплики здесь не нужны. Вы обдумали ответ на поставленный вам вопрос?

В кабинете находился еще и гражданин Пререкаев. Как и положено подследственному, сидел он на стуле, скучно, монотонно бурча что-то на вопросы следователя. Но когда появилась Катя, оживился, пытаясь вставить и свое слово в беседу. Катя прикинула: за что такой может париться? Пререкаеву было под пятьдесят — испитой замухрышка, однако от наколок чистый.

Краснова попросила его подождать за дверью.